

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Не влюбляйся в жертву,
чтобы самому не стать жертвой.

Если начать цитировать все написанное о питерских белых ночах, наберется талмуд размером с «Войну и мир». А что толку? Все эти описания — даже не копия, так, беспомощные наброски. Но — пишут и пишут, как заколдованные. Потому что уж очень соблазн велик, тянет. Не зря ведь так часто в этих описаниях мелькает — нет, не колдовство — прелесть.

Питер возвращает этому слову подзабытый уже смысл: прелесть — вовсе не легкое воздушное очарование, прелесть — то, что прельщает. Соблазняет. Манит. Затягивает. Растворяет в себе.

В Архангельске вон — совсем не то. Тамошние белые ночи — это как раз легкое воздушное очарование. Танцы эльфов и фей. А июньский ночной Питер — знал, ох, знал император Петр Алексеевич, где ставить город, — весь как флейта гаммельнского Крысолова. И невозможно не пойти за ее голосом, и «куда» теряет всякий смысл, и едва слышно доносится — не то из-за угла, не то вовсе с небес — тяжелозвонкое скаканье сорвавшегося с Гром-камня Медного всадника. И прозрачно сияющие шелка юной феи вмиг становятся лохмотьями макбетовских ведьм. И сверкнувший из-под ресниц взгляд прекрасной незнакомки —

Олег Рой

лишь промелькнет невидимое в вышине облачко — сменяется ледяным прищуром безжалостного убийцы...

Да хоть бы даже и не убийцы. Тень душно-пахнущего сиреневого куста оказывается спешащим успеть до развода мостов прохожим, а замершая в поцелуе парочка — тенью фонарного столба.

И сам ты уже неизвестно кто — человек ли, тень ли...

ТЬфу ты, черт! Что за бред лезет в голову? Сергей резко нажал на кнопку, оживляя айфон, — буйное многоцветье дисплея более-менее разогнало морок. Изящная вывеска «Счастье» виднелась не дальше чем в десяти шагах. Уже слышны были звуки цыганского свинга. Точно биение живого сердца. И никакой гаммельнской флейты, никаких теней, никаких призраков!

По стертым ступеням он поднялся на неширокую, почти пустую — все же середина ночи, пусть даже и белой, — террасу. Молоденький официант с двумя колечками в левом ухе — небось студент подрабатывающий (эта мысль почему-то умиротворяла) — споро доставил на выбранный Сергеем столик бокал арманьяка и чашку кофе.

Кофе тут был хорош. Сергей открыл для себя этот ресторан несколько лет назад, бредя в такую же белую ночь от Каткиного садика — сквера у памятника Екатерине II, что на Невском, — к Пяти углам. Заметил вывеску с неожиданным названием, посидел на террасе за чашкой кофе — и прикипел. Местечко было не слишком популярное, тихое, уютное, без излишней домашности, но и без вульгарной помпезности. Спокойно и со вкусом. И — живая музыка. Кажется, именно здесь он впервые услышал джаз-мануш, или — это название нравилось Сергею

больше — цыганский свинг. Крошечный джаз-бэнд — три гитариста и тощенькая скрипачка, к которым иногда присоединялся бородатый седой аккордеонист, — творил настоящее чудо. Разве джаз может существовать без ударных? Может. Как в старой глупой шутке: кто сказал, что гитара не ударный инструмент? Они умеют задавать ритм так, что он хватает прямо за сердце, куда там барабанам.

Впрочем, рассуждать о музыке — дело пустое. Ее слушать надо. Он откинулся в удобном ротанговом кресле, покрутил бокал, переливавшийся темным янтарным светом. Теплым, живым и совсем не похожим на жутковато-призрачное сияние белой ночи. Нет, надо же до такого додуматься, себя в тени записать. Ну уж нет! Он, Сергей Субботин, не какая-то там тень. Он сам выбирает свой путь. У него все получится. Уже получилось. А будет еще лучше.

Он открыл бумажник и заглянул в потайное отделение. Там бережно хранилась самая первая рекламная листовка самого первого его магазина. Блеклая, в одну краску, кривовато, как он сейчас видел, сверстанная, распечатанная — смешно сказать! — на офисном принтере. Всю ночь он тогда «кормил» старенький медленный «Хьюлит» бумагой, раскладывал теплые готовые листовки вокруг, чтоб не смазать — принтер был струйный, лазерники тогда, в девяностые, еще мало у кого водились. Ну да, была возможность — Сергей вздохнул — сунуть заказ в нормальную типографию. Но он предпочел сделать все сам. И все эти годы грязноватый лоскуток дешевой бумаги был для него символом самостоятельности. Да, как бы там ни было, он сам выстроил сегодняшнее свое положение — не то чтобы прямо на бизнес-

олимпиаде, где места предусмотрены исключительно для нефтяных или алюминиевых владык, но, в общем, близко, в предгорьях. Скромный продуктовый магазинчик давно превратился в обширную — несколько десятков региональных филиалов — торговую сеть — «Полная чаша», вот какое название он придумал. Сам, не какой-нибудь наемный бренд-мастер.

Да, все он сделал, всего достиг сам. Своим собственным умом. Сколько таких же, как он, бизнесменов, начинали в те дальние уже девяностые? Тысячи? Сотни тысяч? И сколько преуспели? Вот то-то же. Он всех переиграл — и тех, кто хотел его победить, и тех, кто пытался его использовать. И это самый чистый, самый сладкий адреналин — чувство собственного превосходства. Это, а вовсе не деньги, которых давным-давно уже больше, чем можно потратить.

Кажется, я сам себя в чем-то убеждаю, подумал успешный бизнесмен Сергей Субботин и поморщился: вот еще, в самом-то деле. Неужели это Питер так действует? Питер, любимый до такой степени, что Сергей, коренной москвич, несколько лет назад купил здесь квартиру, но как-то странно он тут себя в последнее время чувствует. Или это белые ночи голову кружат? Или просто устал? Не от работы, конечно, — профессионалов он в штат набрал первоклассных, оставив за собой лишь ключевые решения и общий контроль. Но в одиночку, как ни крути, тяжело. Когда-то у него была, кажется, какая-то жена, какие-то друзья-приятели. Сегодня вокруг лишь конкуренты и партнеры, которым тоже пальца в рот не клади — откусят, а то и целиком слопают.

Впрочем, не век же он бобылем будет вековать. Судьба к нему благосклонна — подарила деловой успех, подарит и жен-

щину. До старости-то ему еще о-го-го как далеко. Легкая проседь в густых темно-русых волосах лишь подчеркивает значительность и силу. Равно как и гусиные лапки вокруг по-прежнему ярких светло-карих глаз. Бреясь по утрам, Сергей нередко думал, что сегодняшнее отражение в зеркале нравится ему больше, чем то, что было двадцать лет назад. Наивная юношеская мордаха превратилась в хорошо вылепленное лицо сильного, уверенного в себе мужчины. Заматерел, да. Но не обрюзг. Ни в коем случае! Грех было бы портить подаренную природой спортивную фигуру. Да и сил от спортивных тренировок прибывает. И не только физических. Сергей улыбнулся. Самые лучшие решения приходили в голову, когда он «тягал железо» в спортзале. А на пляжах дорогих курортов фигурой — высокий, плечистый, с гладкими переливающимися мышцами — мог поспорить с местными инструкторами по дайвингу, например.

Гитарные ритмы, доносившиеся из основного зала, неожиданно заглушил многоголосый веселый гомон. Туристы, подумал Сергей, судя по выговору — южане. Забавно. Для Питера или Москвы летний отдых — это Черноморское побережье (ну, если забыть о Кипре или Египте). А пресыщенный морем-солнцем-фруктами Краснодарский край толпами валит полюбоваться магией белых ночей. Круговорот прямо.

Толпа не толпа, но заполнившая террасу пестрая компания была довольно внушительной — человек пятнадцать, если не больше. Несколько невзрачных мужичков, теряющихся на фоне своих пышных громогласных жен класса «баба ягодка опять», трое загорелых до черноты «качков», два-три типичных «ботаника» и — девушки. Абсолютно «черноморские»: яркие, как

тропические птицы, броские на грани вульгарности, сверкающие белозубыми улыбками и обилием стразов. Сергей удостоился изрядного количества взглядов жанра «како-ой интере-есный мужчи-ина» — совершенно ему не нужных, но... Он бы удивился, будь по-другому. Ладно, лишь бы за его столик никто не подсаживался.

Поймав пробегавшего мимо официанта, он заказал еще кофе и — подумав — еще зеленого чая со льдом и ломтиком лайма. Взглянул на часы, проведя пальцем по стеклу: отлично, скоро начнут разводиться мосты, все туристы бросятся к набережным — любоваться.

— Гляди, гляди, у него часы с сенсорным управлением, — раздался слева громкий шепот одной из «тропических птичек». — Вот круто!

— И ботинки итальянские... И обручального кольца нет! — подхватила ее подружка.

Смех девушек звучал и задорно, и приглашающе. Сергей сделал вид, что ничего не слышит. Доказывать что-то себе или окружающим с помощью одноразового секса (а ни на что другое «тропические птички» и не годились) — удел неуверенных в себе юнцов — ему давно «не по чину». Впрочем, чувствовать себя «заманчивой добычей» было лестно. На пару секунд. Потом захотелось поторопить шумную пеструю ораву — шли бы, в самом деле, мостами любоваться. Но туристы, похоже, устроились тут основательно, заняв почти все места на террасе и порядком подпортив ощущение уюта и спокойствия — именно то, за что Субботин и любил это место. Может, уйти, подумал он слегка раздраженно и тут услышал быстро нарастающий рокочущий гул...

Мотоцикл!..

Это было как привет из далекой, почти уже забытой юности. Как они тогда гоняли! Лихие ветры подмосковных трасс, страшный сон беспомощных гаишников (ха! поди-ка догони!), повелители стальных коней. Кони были, конечно, еще советские — у Сашки «Иж», у него «Ковровец», — но они гордо называли их байками, а себя — чоперменами. Днями и неделями торчали в темных отцовских гаражах, по уши в масле, ржавчине и бензине, «вылизывая» и усвершенствуя своих «скакунов», чтобы хоть немного уподобить свои «коврики» и «ежики» легендарным «Харлеям» и «Ямахам».

Мотоцикл — спортивный «БМВ» — рыкнув напоследок, замер точно у ступеней ресторанной террасы. Затянутый в красную кожу байкер оказался в перекрестье многочисленных взглядов: восхищенных, ошарашенных или откровенно завистливых. Женщины как по команде нервно защебетали, явно стараясь отвлечь внимание своих спутников от ловко спешившейся амазонки.

Да, амазонки. Плотно облегающая экипировка не оставляла в том ни малейших сомнений, обводя и подчеркивая все изгибы стройного тела. Высокие сапоги — мотоботы — ловко обхватывали изящные щиколотки, а узкие пальцы, выглядывающие из кожаных обрезных мотоперчаток, казались удивительно нежными, музыкальными.

Одним движением девушка подняла зеркальное забрало — визор — и, отщелкнув застежку, сняла тяжелый шлем. На плечи обрушился водопад чуть вьющихся рыжеватых волос. Легкий взмах головы отправил пышный каскад за спину. Привычным

движением бросив в шлем поспешно снятые перчатки, амазонка поднялась на террасу, на ходу расстегивая куртку.

На верхней ступеньке во взгляде ее появилось удивление и даже растерянность — все столики были заняты. А сидеть в душном зале, мысленно усмехнулся Сергей, в такую ночь охотников найдется немного. Чувствуя себя героем классического голливудского фильма, он слегка приподнялся и приглашающим жестом указал на свободное кресло возле своего столика. Девушка на миг заколебалась, еще раз обвела террасу внимательным взглядом — нет, остальные варианты явно были гораздо хуже — и, коротко кивнув, присела на краешек кресла.

На краешек, но без малейшего оттенка неуверенности, подумал Сергей, исподтишка, чтоб не показаться невежливым или, хуже того, навязчивым, рассматривавший незнакомку. Вблизи она выглядела постарше, чем показалась на первый взгляд. Лет двадцать пять, пожалуй, или тридцать, вряд ли больше. Тонкий абрис слегка обветренных губ, светлые, цвета ранних сумерек серьезные глаза, ни грамма косметики. Небольшая ссадина на левой скуле не столько портила, сколько подчеркивала безукоризненную картину — как мушка на щеке средневековой красавицы. «Тропические птички» за соседними столиками на фоне этого спокойного изящества как-то сразу поблекли.

Меню, преподнесенное мгновенно подлетевшим официантом, амазонка проигнорировала, заказав чашку капучино и большой стакан воды. Сергей мысленно усмехнулся — он-то помнил, как скорость сушит горло. Помнил, как во время безумных своих гонок они с Сашкой высматривали придорожные колонки и по очереди — один жмет тугий рычаг, второй пьет — приникали к

яростно бьющей из железного жерла ледяной, невероятно вкус-ной тугой струе. Словно не подмосковные трассы стелились под их колеса, а пыльная бесконечность аравийских пустынь под рас-каленным небом.

И это «принесите воды» тоже было как привет из юности.

Девушка выпила с полстакана и откинулась на спинку кресла. Вопреки расхожему мнению — мол, рыжим красное противопо-казано — красный кожаный костюм идеально подходил к легкой рыжине ее каштановых волос. Все есть яд и все есть лекарство, вспомнил Сергей, разница лишь в дозировке. В этом случае «до-зировка» идеальная, оттенки подходят друг к другу как... как в языке пламени.

Да, хороша, ничего не скажешь. И мотоцикл ей под стать.

— Тысяча двести кубов? С места до сотни за три и две де-сятых секунды? — деловито (вы же не думаете, что я кадрюсь, я машиной восхищаюсь, и все) поинтересовался он.

Слегка помедлив (Сергей готов был поклясться, что в этот момент в прекрасной головке мелькнула мысль: он что, свой?), девушка улыбнулась уголком рта.

— За две и семь десятых по сухому асфальту.

— Ого! — абсолютно искренне восхитился Сергей. — Огра-ниченная спецсерия? Или боги тюнинга постарались?

— Второе, — с той же полуулыбкой подтвердила амазонка.

— Нечасто увидишь такого зверя в столь нежных руках, — улыбнулся он. — Не иначе, у вас в жилах адреналин вместо кро-ви течет, и скорость... — Субботин не закончил фразу, как бы приглашая к продолжению метафоры.